

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1

2020

П. И. Гайденко

О праве суда над епископатом на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы*

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10008

Аннотация: Одной из важнейших функций государственной и церковной властей является совершение суда. Однако тогда, когда дело касалось судов, совершавшихся в отношении представителей духовенства, ситуация, как правило, оказывалась сложной. Это объясняется по меньшей мере двумя причинами. Во-первых, в условиях средневекового общества не всегда легко провести границу между светским и церковным судом. Это объяснялось особой харизмой носителей государственной власти. Император, монарх, князь воспринимались обществом и Церковью в качестве носителей особых благодатных даров. Во-вторых, как правило, сами представители церковной иерархии обладали особым статусом. В рамках представленной статьи предпринята попытка рассмотреть проблему судов в отношении церковных лиц в Киевской Руси и обозначить некоторые проблемные аспекты в области соприкосновения церковных канонов и византийских правовых традиций с древнерусскими правовыми реалиями.

Ключевые слова: История Русской Церкви, каноническое право, церковный суд на Руси, Киевская Русь, право церковной апелляции, патриарший суд, суды над епископатом, суды над духовенством.

Об авторе: **Павел Иванович Гайденко**

Доктор исторических наук, сотрудник Института украинской археологии и источниковедения имени М. С. Грушевского Национальной Академии Наук Украины.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Ссылка на статью: Гайденко П. И. О праве суда над епископатом на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 90–108.

* Настоящая статья написана на основе доклада автора на III Барсовских чтениях «Церковный суд в России. История и современность», состоявшихся в Книжной гостиной СПбДА 16 декабря 2019 года.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2020

Pavel I. Gaidenko

**On the Right to Trial over the Episcopate
in Russia (11th – 13th centuries). Formulation of the Problem**

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10008

Abstract: The commission of the court is one of the most important functions of the State and Church authorities. However, when it came to trials of clergy, the situation turned out to be difficult, as a rule. There are two reasons for this. Firstly, in a medieval society, it is not always easy to draw the line between secular and ecclesiastical courts. Carriers of state power have a special charisma. The emperor, monarch, and prince were perceived by society and the Church as bearers of special blessed gifts. Secondly, representatives of the Church hierarchy had a special status. In the framework of the presented article, an attempt was made to consider the problem of courts in relation to church persons in Kievan Rus.

Keywords: history of the Russian Church, canon law, church court in Russia, Kievan Rus, the right of church appeal, patriarchal court, trials of the episcopate, trials of the clergy.

About the author: **Pavel Ivanovich Gaidenko**

Doctor of Historical Sciences, Member of the Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Article link: Gaydenko P. I. On the Right to Trial over the Episcopate in Russia (11th – 13th centuries). Formulation of the Problem. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 1, pp. 90–108.

История древнерусских судов, в том числе судов церковных, давно привлекает внимание исследователей. Однако при том, что в этом направлении — как в области изучения источников, так и в области исследования покаянного права и рецепции византийских и европейских церковно-правовых норм — проделана значительная работа, едва ли проблемы организации и функционирования церковных судов и судов, которые так или иначе были связаны с жизнью Церкви, ее иерархии и церковных людей, могут считаться разрешенными. Содержание источников, как и исследовательские интересы, а также господствующие в академическом и, особенно, в университетском кругах стереотипы пока существенно затрудняют работу исследователей. Еще одно огорчение, значительно усложняющее труд и жизнь любознательных ученых — отсутствие в этом направлении согласованных действий. Историки, юристы, канонисты, филологи, философы права и богословы идут каждый своими путями, плохо знают историографию вопроса по смежным направлениям и крайне редко выносят результаты своих усилий на обсуждение коллег. Объединение этого разноликого и привыкшего к автономному существованию сообщества — особая задача, без разрешения которой ни одно исследование не сможет претендовать на полноту погружения в проблему церковного и (или) канонического права применительно к реалиям Древней Руси.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка если не ответить, то по крайней мере обозначить проблемную область, в которой можно и важно найти ответы на два сложных, но очень существенных и интересных вопроса. Во-первых, кто и при каких условиях имел право суда над епископатам и представителями церковной иерархии, и, во-вторых, насколько таковые права суда соответствовали каноническим нормам?

Действительно, проблема судов над епископатам и духовенством в целом крайне сложна, поскольку она касается не только церковного суда как такового, но и суда «светского», насколько предложенная категория соответствует условиям русского Средневековья, как и Средневековья в целом. Все же для исследуемого мира и времени понятие сакрального не было ограничено клиром и распространялось не только на власть, в том числе власть судебную, но и едва ли не на все стороны проявления жизни человека, начиная от его рождения и до самой смерти. Сам символический строй средневекового мышления не допускал существования абсолютно профанного в этом мире¹. Император в условиях Византии, как и князь в реалиях Руси, обладали особым положением. Их власть в Церкви соперничала с епископской и фактически превосходила ее в административной области и в области суда. Правда, в отличие от князя, права императора в управлении Церковью защищались канонами и законами империи². Доминирование княжеской воли в церковном управлении все же обеспечивалось не каноническими нормами, а фактическим положением правителя³. Впрочем, дело «светского» суда обстоит сложнее.

Церковные нормы вполне определенно запрещают христианам судиться у внешних судий⁴, а клирикам при решении внутренних споров категорически отказано

¹ О символическом строе средневекового мира см. подробнее у Мишеля Пастуро [Пастуро, 2012].

² О положении императора в Церкви см. подробнее исследование А. М. Величко [Величко, 2006, 12–50].

³ Сопоставляя канонические требования с действительным положением в деле организации Церкви на Руси, Я. Н. Шапов вполне заслуженно констатировал: «Практически оно (церковное управление. — П. Г.) зависело от желания и материального обеспечения местных князей» [Шапов, 1989, 33].

⁴ «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские? А вы, когда имеете житейские тяжбы,ставляете *своими судьями* ничего не значащих в Церкви. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными. И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между

прибегать к помощи светского суда⁵. Но насколько «внешними» могут считаться судья-христианин или же император и князь в христианском государстве? Насколько «светскими» являлись правители государств, чье положение, да и само предназначение оценивались в устах иерархов Церкви в самых высоких религиозных категориях?

В данном отношении показательна Преамбула к VI новелле имп. Юстиниана (535), декларирующая особую природу императорской власти как равнозначную власти священства и имеющую с ней один Божественный источник. В Преамбуле к новелле император предстает не только лицом, регламентирующим жизнь Церкви и защищающим ее права, но и тем, кому вверено хранение церковных догматов⁶. Однако понимание высокого служения императорской власти было характерно и для более раннего периода. Уже упоминавшиеся строгие ограничения Священного Писания, запрещавшие христианам судиться перед судьями-язычниками, не помешали святым отцам I Вселенского Собора, созванного по воле императора-язычника Константина, вести перед «великим понтификом» споры о догматах. Описанное положение дел, фактически признававшее за Константином право «третьей стороны суда» по вопросам веры, закреплялось визой императора на соборных решениях. Собственно, и сам Константин не видел в этом ничего противоречащего духу Церкви и духу империи, признавая за собой «епископство внешних дел»⁷. Данные слова императора никто никогда не оспаривал, хотя они могли быть сказаны им в шутку или же в метафорическом смысле, как заметил об этом В. В. Болотов [Болотов, 1913, 50]. К тому же и в последующем, будучи уже включенной в политическую и правовую систему империи, Церковь была вынуждена считаться с нормами римского права, поскольку и в Византии, и в западном христианском мире господствовал принцип, разрешавший все подобные споры решительно и однозначно: «*Ecclesia vivit lege Romana* — „Церковь живет по римскому праву!“» [Берёзкин, Крицкая, 2019, 107]. Отмеченный принцип

собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев (1 Кор 6:1–8)».

⁵ «Если который клирик с клириком же имеет судное дело: да не оставляет своего епископа, и да не прибегает к светским судилищам. Но сперва да производит свое дело у своего епископа или, по изволению того же епископа, избранные обеими сторонами да составят суд. А кто вопреки сему поступит: да подлежит наказаниям по правилам. Если же клирик со своим, или со иным епископом имеет судное дело: да судится в областном Соборе. Если же на митрополита области епископ или клирик имеет неудовольствие: да обращается или к экзарху великия области, или к престолу царствующаго Константинополя, и пред ним да судится» (Правила Православной Церкви 1, 1912, 349–358 (IV Всел. 9)).

⁶ ««Преамбула.» Величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство. Первое служит делам божественным, второе начальствует и наблюдает над делами человеческими; и то, и другое происходит от одного начала и гармонично обустроивает (*κατακοσμοῖσα*) жизнь человеческую — и ничто так не важно для царствующих, как почет иереев, которые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения (*παρρησίας*), а второе будет по справедливости и подобающим образом обустроивать (*κατακοσμοῖν*) порученное ему государство, то наступит некое доброе согласие (*συμφωνία τῆς ἀγαθῆς*), которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому. Поэтому (*τοίνυν*) мы усерднейшим образом печемся как о догматах божественной истины, так и о почете иереев, при наличии и вследствие которого, мы уверены, нам будут дарованы от Бога великие блага — причем те из них, которые уже имеются, мы сохраним в целостности, а те, что мы до сих пор не получили, приобретем. Но все это может совершиться по-доброму и подобающим образом только если делу будет положено достойное и богоугодное начало. А оно, как мы полагаем, возможно лишь при соблюдении священных канонов, каковые нам заповедали истинно воспеваемые и поклоняемые самовидцы и сподвижники Бога и Слова — апостолы, а святые отцы сохранили и протолковали» [Максимович, 2007б, 30–31].

⁷ «Посему, угощая некогда епископов, Константин справедливо сказал, что и сам он епископ (приводим собственные его слова, произнесенные при нас): „только вы — епископы внутренних дел Церкви, а меня можно назвать поставленным от Бога епископом дел внешних“. Распоряжаясь согласно с этими словами, он надзирал за всеми подвластными себе и побуждал их, сколько было силы, вести жизнь благочестивую» [Евсевий Памфил, 1998 [кн. 4, гл. 24]].

хорошо виден в структуре римского права эпохи христианских императоров. До XII в. включительно, когда начался процесс поступательного обособления церковного законодательства в отдельную отрасль⁸, нормы Церкви рассматривались юристами в качестве неотъемлемой части римского права [Суворов, 2004, 6–7]. Поэтому при том, что епископат, духовенство и монашество рассматривались в византийской и западноевропейской правовых традициях в качестве особой социальной группы, данное обстоятельство не предоставляло духовенству каких-то исключительных прав. Даже в отношениях с церковными институтами и духовными лицами принципы римского права не позволяли государству рассматривать сословный фактор в качестве определяющего [Макаров, 2007, 6–7]. В описанных условиях оказывавшиеся Церкви дарения и иммунитеты «рассматривались сугубо как личное пожалование императора, т. е. исключительное изъятие из общих предписаний права, и не стали правовым принципом»⁹.

Помимо перечисленных противоречий присутствуют и иные затруднения. Первое из них — крайне ограниченный по объему и специфический по содержанию круг источников по истории церковных судов и судов, в которых так или иначе затрагивались вопросы Церкви. Он представлен не только княжескими уставами, большинство которых сохранилось в виде поздних списков, но также летописанием, агиографией и патриаршей грамотой, дипломатической эпистолией. Однако от домонгольской Руси не сохранилось ни одного судебного протокола. Отмеченное положение дел позволило части исследователей допустить присутствие на Руси судов без письменной фиксации процесса, что в целом противоречило нормам византийского судопроизводства и римскому праву. Во-вторых, столь плачевное состояние источников существенно осложняет работу по реконструкции процессуальной стороны церковных судов. Более того, далеко не всегда понятно, на основании каких норм судьи выносили свои решения. Не менее затруднительно разграничить среди сообщений, доносимых источниками о тех или иных разбираательствах, известия о судах и известия о решениях, принимавшихся архиереями в частном, «административном», порядке «покаянного права». Для удобства подобные казусы будут рассмотрены в качестве судов или следственных действий. Однако предложенный выход из ситуации небезупречен и имеет свои уязвимые стороны.

Опираясь на положения Устава Владимира Святославича, введившего категорию «церковных людей», можно заключить, что уже на начальном этапе клир был выделен в особую социальную группу. В значительной мере это соответствовало нормам как римского, так и византийского права, рассматривавшим жрецов — а в последующем и духовенство — в качестве лиц, обладающих особым юридическим статусом¹⁰. Однако мотивы подобного выделения духовенства и иных служивших при церквях лиц в отдельные социальные группы, обладавшие особым статусом, в Византии и на Руси видятся различными и преследующими столь же разные цели. Если в Византии эти шаги предпринимались главным образом для того, чтобы подчеркнуть особый статус обладателей священного сана и, одновременно, обеспечить наиболее адекватное отношение общества и государства к духовному лицу, то на Руси ситуация была иной. Выделение здесь духовенства, монашества и ряда церковных служителей в отдельную группу «церковных людей» не наделяло включенных в эту группу никакими привилегиями и правами. Напротив, положение таковых лиц несколько ухудшалось,

⁸ Об этом см. подробнее в исследовании А. Ю. Митрофанова [Митрофанов, 2010, 32–331].

⁹ На то, что именно княжеская власть определяла круг прав Церкви и ее иерархии, указывает не только тон грамот, но и применяемая в княжеских уставах формула «се азъ», «сгадав», «здоумав», «дал есмь», «поставил есмь» [Макаров, 2007, 8]. Аналогичную ситуацию можно встретить и в истории Русской Церкви, сам канонический строй которой был результатом санкции княжеской власти [Устав о десятине, 1976, 17–18 [ст. 1–5]; Устав Всеволода церкви Ивана, 1976, 160–161 [ст. 1–5]; Грамота Ростислава, 1976, Устав Всеволода о судах, 1976, 154–155 [ст. 1–4]; Устав Ярослава, 1976, 85–91 [ст. 1]; 141 [ст. 2, 3]; Момотов, 2003, 75].

¹⁰ Впервые этот статус юридического лица за священнослужителями был закреплен в Корпусе имп. Юстиниана [Берёзкин, Крицкая, 2019, 108–109, 112].

поскольку делало их зависимыми не от княжеской воли, а от воли епископата. По сути, появление категории «церковных людей» наделяло преимуществами не тех, кто был в нее включен, а тех, кто получал над ними власть — епископат. Именно епископат получил над этой категорией право суда, что стало своего рода иммунитетом¹¹.

Наибольшее число известных источников посвящено судам над архиереями и судам, совершавшимся архиереями. Помимо этого, встречаются известия о судах над монашествующим духовенством или в отношении дел, в которых фигурировало священство, например летописное сообщение о суде и расправе Яня Вышатича над белоозерскими разбойниками, убившими находившегося в обозе боярина «попа» (1071) [Лаврентьевская летопись, 2001, 175–177; Ипатьевская летопись, 2001, 165–167]. Чаще всего это суды над монашествующими лицами. Правда, как и в случаях с архиереями, далеко не всегда понятно, состоялся ли суд, были ли соблюдены его процедуры, а если состоялся, то в какой форме.

Как уже было отмечено выше, в историографии сложилось вполне устойчивое мнение, что в домонгольской Руси даже церковный суд мог совершаться без письменной фиксации обстоятельств расследования и разбирательства [Гайдено, 2018, 80]. К этому выводу подталкивает состояние источников, среди которых не сохранилось судебных и следственных протоколов. Однако дело не видится безнадежным, поскольку та подробность, с какой те или иные летописные и агиографические тексты сообщают о судебных разбирательствах, позволяет заключить, что в основе описанных сюжетов лежали таковые, не дошедшие до нашего времени, документы. Наиболее яркими примерами этого могут служить летописные записи о винах любимца Андрея Боголюбского владимирского епископа Феодора, уничижительно названного Феодорцом [Ипатьевская летопись, 2001, 551–554], или же перечень имущества, переданного Суздальскому Дмитровскому монастырю ушедшим на покой епископом Кириллом [Лаврентьевская летопись, 2001, 355–357]. Не менее примечательно известие Печерского патерика о разбирательстве, связанном с именем прп. Никиты, будущего новгородского епископа. Оно также, скорее всего, основывалось на каких-то письменных свидетельствах совершившегося внутри самой обители слушания [Щавелёв, 2012, 544–546]. Наконец, крайне интересным видится описание суда над Авраамием Смоленским, содержащееся в «чрезвычайно пространным, риторично-компилятивным» [Демин, 2010, 455] житии преподобного [Житие Авраамия, 2005, 43–48]. «Логическая застылость» и «изобразительная скудость литературной символики» [Демин, 2010, 455] при обилии библейских и агиографических параллелей, сопоставлявших жизнь Авраамия с жизнью святителя Иоанна Златоустого, Василия Великого, Антония Великого и самого Христа [Конявская, 2003, 111–113], затрудняют работу исследователей, мешая им выявить историческую основу повествования. И все же доносимые в произведении известия о суде и его процедурах обладают безусловной научной ценностью, позволяя произвести частичную реконструкцию епископского суда и сопровождавших его процедур [Гайдено, Филиппов, 2011, 108–110]. Данная особенность была отмечена еще Р. Пиккио [Пиккио, 2002, 121] и успешно использована в исследованиях М. В. Печникова и Е. Л. Конявской [Печников, 2003, 346–59; Конявская, 2017, 34–39].

Таким образом, при том, что время не сохранило ни одного «оригинального» протокола судебного разбирательства в церковных судах, следы и выдержки из этих протоколов и записей сохранились в летописных и агиографических упоминаниях об этих судах. Все отмеченное позволяет провести частичную реконструкцию церковных судов и судов над епископатом и церковными людьми.

Наибольшее число известных о церковных или иных судах связано с древнерусским епископатом — митрополитами и правящими архиереями отдельных территорий. При этом в некоторых случаях можно встретить известия если не о судах,

¹¹ О сомнениях в «подлинности» Уставов Владимира Святославича и Ярослава Владимировича см. возражения Е. Е. Голубинского [Голубинский, 1901, 399–409; Гайдено, 2008, 7–16].

то, по меньшей мере, о результатах проводившихся следствий. Именно так можно оценивать летописную запись о смерти в Киеве еп. Стефана († ок. 1068), задушенного своими холопами [Новгородская летопись старшего извода, 2000, 213; Новгородская Четвертая летопись, 2004, 625; Тихомиров, 1975, 106–107], и епископа Феодора, погибшего от своего пса (†1077) [Новгородская летопись старшего извода, 2000, 473]. К ним примыкает летописное известие о смерти двух священников, утонувших в Волхове (†1145) [Новгородская летопись старшего извода, 2000, 213]. Появление упомянутой записи в летописании, скорее всего, было вызвано разбирательствами в отношении случившегося. Такое следствие скорее объяснялось не подозрениями, что произошедшее могло стать результатом убийства, а обстоятельствами смерти. Утопление — крайне нежелательная в восточнославянских представлениях смерть, бросающая тень на личности погибших¹². Наиболее отчетливо следы подобных расследований или, по меньшей мере, суждений прослеживаются в отношении Новгорода, его духовенства и обладателей древней святительской кафедры. Вероятно, это объясняется не только тем, что Новгород и его «архивы» менее всего пострадали от монголов, но и особенностями новгородского самоуправления, понуждавшими власти города, кафедру и ее скрипторий к аккуратному ведению записей.

Предварительное знакомство с княжескими уставами Церкви создает впечатление, что древнерусское духовенство и, особенно, епископат изначально обладали особым политико-правовым статусом, основанным на широкой внутренней автономии Церкви, в том числе в области суда¹³. Такие представления о священстве и его роли в жизни Руси XI–XIII в. отчасти справедливы, однако существенно преувеличены, чему в немалой степени способствовала церковная и гражданская историография XIX в., отражавшая процессы активного формирования российской нации, духовным фундаментом которой считалось православие. Изложенные в этот период взгляды и предложенные подходы к работе с источниками способствовали возникновению предельно высоких оценок религиозной жизни Киевской Руси. Политическая философия XIX столетия и особенности работы с источниками лишь укрепили религиозно-политические стереотипы в российской науке о прошлом России. При этом на определенном этапе это прошлое стало приобретать сакральное звучание¹⁴. Крайне скудные, с позиций источниковедения дореволюционной России, известия источников эпохи Крещения Руси компенсировались неоправданным отождествлением религиозных, социальных и политических реалий эпохи князя Владимира Святославича и XV–XVII вв. В значительной мере эти подходы продолжают присутствовать в церковной и околоцерковной историографии современности¹⁵. В итоге кажущиеся оправданными в рамках конкретных исследований допущения создали специфические и, нередко, упрощенные представления о Руси и ее религиозной жизни на ранних этапах формирования древнерусской государственности и ее Церкви. Церковный суд не стал исключением. Например, учебник по церковному праву прот. Владислава Цыпина описал церковный суд Древней Руси не с позиции, каким этот суд предстает на основе имеющихся источников, а — каким ему надлежало быть согласно каноническим правилам [Цыпин, 2012, 626–627].

¹² Утопление в славянской мифологии рассматривалась как одна из самых нежелательных форм смерти [Зеленин, 1995, 39–50].

¹³ В данном отношении показателен Устав Ярослава Владимировича, последние положения которого категорически запрещают кому-либо вмешиваться в дела церковного, а вернее — митрополитского суда [Устав Ярослава, 1976, 90–91 [ст. 54–56]].

¹⁴ В данном отношении весьма показательны рекомендации, согласно которым должны были излагаться исторические дисциплины в Духовных академиях в результате нового академического устава 1910 г. Устав предписывал рассматривать историю в контексте провиденциальных концепций богословия. Последствия подобных преобразований оказались крайне неприятными для духовных школ [Крайний, 2000, 33].

¹⁵ Примером подобного изложения истории Русской Церкви может служить учебник В. И. Петрушко [Петрушко, 2007; Петрушко, 2019].

Если архиерейские суды привлекали внимание исследователей [Левчук, 2010], то суды над епископатам не получили в отечественной (российской, украинской и белорусской) историографии концептуального рассмотрения. Затруднения в этой области во многом извиняются тем, что источники не позволяют однозначно оценить социально-правовой статус архиереев в древнерусской военно-политической и властной элите, а также в древнерусском «обществе»¹⁶. Например, древнерусское право никак не прописывает место епископов в системе социальных страт и слоев и даже не предполагает никакой ответственности за покушение на жизнь архиерея. Последнее, возможно, могло объясняться слишком малым числом епископов на Руси, что, вероятно, удерживало княжескую власть от необходимости специально оговаривать правовое положение иерархов. Тем не менее, нельзя не признать, что безнаказанными покушения на личности епископов — как и священников — не были, если обидчиками оказывались представители зависимых слоев населения¹⁷. В итоге ситуация в области изучения таковых судов видится небезнадежной. Подтверждение этому можно увидеть в исследовательских работах последних лет. Детальное рассмотрение получило большинство летописных сюжетов, связанных с архиерейскими судами и судами над архиереями.

Наиболее частой формой суда над архиереями являлся митрополичий суд. Именно этот суд являлся первой инстанцией, где могли быть рассмотрены обвинения против епископов¹⁸. Вероятно, именно по этой причине в условиях острого конфликта владимирского князя с епископом Леоном разгневанный Андрей Боголюбский отправил своего архиепископа не в Константинополь, а в Киев¹⁹. Впрочем, даже если князем двигали иные мотивы и отсылкой еп. Леона к митрополиту князь Андрей демонстрировал неуважение к церковным властям Киева, принятое князем решение все равно формально соответствовало каноническим нормам. Однако, как бы то ни было, согласно канонам, власть митрополитов была не безгранична. Суд над правящим епископом мог быть совершен только на Соборе из числа архиепископов митрополичьей области. При этом минимальное число епископов, которым доверялось судить обвиняемого святителя, должно было составлять не менее 12 человек²⁰. Необходимо отметить, что во второй половине XII в. число существовавших на Руси епископских центров теоретически позволяло организацию подобных судов. В некоторых случаях, когда

¹⁶ Отмеченная особенность хорошо прослеживается в исследованиях П. С. Стефановича и М. Б. Свердлова. Если первый из названных исследователей вообще отказался от рассмотрения духовенства в составе правящих элит Руси, то второй — вполне обоснованно и очень аккуратно отметил среди таковых элит лишь епископат, признав за ним высокое положение в обществе только к концу Киевского периода существования древнерусской государственности. Тем не менее, в самом церковном кругу статус архиерея был вполне высоким, хотя и не бесспорным. Об этом можно судить по тому, как происходило формирование символов власти и форм поведения архиереев (см. подр.: [Гайдено, 2014, 15–51]).

¹⁷ Примерами подобных расправ служат наказания обидчиков новгородского епископа Луки Жидяты и казнь волхва, виновного в смерти «попа Янева» [Ипатьевская летопись, 2001, 166]. Вероятно, какое-то наказание постигло и виновников смерти уже упоминавшегося новгородского епископа Стефана [Новгородская летопись старшего извода, 2000, 182–183; 473].

¹⁸ «Если кто из епископов подвергнется обвинению, обвинитель да представит дело к первенствующему в области, к которой принадлежит обвиняемый» [Правила Православной Церкви 2, 1912, 153–155 [Карф. 19(28)]].

¹⁹ Здесь все же необходимо признать, что действия князя не во всем вписывались в каноны. Еп. Леон был выслан к митрополиту в Киев после своего рода суда, совершенного в отношении него в присутствии князя [Лаврентьевская летопись, 2001, 352; Ипатьевская летопись, 2001, 520]. Однако такие действия «светской власти» с точки зрения церковных норм недопустимы.

²⁰ «Филикс епископ рек: „Да внесется в правила согласно с определениями древних Соборов и это: если какой-нибудь епископ (чего да не будет!) подвергнется некоему обвинению и по великим затруднениям нельзя будет собраться многим епископам, то, чтобы он не оставался долго под обвинением, да слушают его на суде двенадцать епископов, пресвитера — шесть епископов и свой, а диакона — три“» [Карф. 12] [Правила Православной Церкви 2, 1912, 153–155].

дело касалось какого-либо спора, не предполагавшего обвинений епископа в преступлении, заседание могло быть созвано митрополитом при привлечении к слушанию лишь двух епископов. Если же в результате прений выносившееся решение все равно не устраивало какую-либо сторону, то прение переносилось в Византию, в патриарший или императорский суд²¹.

Греческие архиереи, несомненно, знали о своем праве апелляции и успешно пользовались им. Что же касается русского (по происхождению) епископата или русских князей, то примеров их обращения с апелляционными прошениями не так много. С большей или меньшей уверенностью можно говорить о том, что таким правом воспользовались еп. Нифонт Новгородский²², Андрей Юрьевич Боголюбский и его выдвиженец Феодорец, получивший рукоположение в Константинополе²³.

Не способствовала усилению власти митрополитов и политическая ситуация на Руси, где епископ находился в большей зависимости не от воли киевского первосвященника, а от княжеской власти и изъятий элит своих кафедральных городов. Если же суд совершался в Киеве, то, вероятно, последнее слово в организации судебного слушания, вынесения вердикта и приведения приговора в исполнение также оставалось за княжеской властью первопрестольного града²⁴. Данное обстоятельство могло придавать древнерусскому церковному суду черты инквизиционного процесса. В некоторых случаях это могло иметь для обвиняемых счастливые последствия. Например, такое положение князя не позволило Клименту Смолятичу совершить суд над епископом Нифонтом. Изяслав Мстиславич отказал своему любимцу в организации суда над властным и самоуверенным новгородским архиереем [Киево-Печерский Патерик, 2004, 352–353]. Иной вопрос, что описанная особенность церковного суда не соответствовала канонам, а порой и вступала с ними в противоречие.

Тем не менее, участие князей в церковных судах на Руси остается малоизученной темой. Поэтому причины появления такой формы суда не ясны. Отмеченное участие князей в церковном суде — естественный этап развития церковной и политической жизни на Руси? Или же происходившее объяснялось южнославянским и западным влияниями, подобными тем, что наблюдались в Новгороде в период служения там архиепископа Геннадия, вдохновленного «успехами» «франков», а именно «шпанского короля», в борьбе с еретиками и практиковавшего у себя инквизиционные формы расправы над еретиками [Геннадий Новгородский, 1880, 775–776; Грекулов, 1964, 13–14]?

Таким образом, прослеживаются следующие суды, во власти которых мог оказываться епископат: императорский, патриарший, митрополичий, княжеский, вечевой и суд, совершавшийся при совместном участии князя и веча.

Первое доносимое источниками известие о митрополичьем суде — суд над новгородским епископом Лукой Жидятой [Новгородская Четвертая летопись, 2000, 118; Летопись Дубровского, 2004, 54–55; Софийская летопись, 2004, 183; Никоновская летопись,

²¹ 123-я Новелла имп. Юстиниана предписывала: «Если же преосвященные епископы на одном и том же Соборе разойдутся друг с другом во мнениях либо относительно церковного права, либо по каким-то другим вопросам, пусть прежде их митрополит с двумя другими епископами из того же Собора рассудит это дело, а если обе стороны не согласятся с его решением, тогда блаженнейший патриарх того диоцеза пусть рассмотрит [спор] между ними и вынесет такое постановление, которое соответствует церковным канонам и законам, после чего ни одна из сторон не имеет права обжаловать его решение. Если же обвинение против епископа по какому-либо делу будет исходить от клирика или кого-то другого, прежде всего их преосвященный митрополит должен рассмотреть это дело» [Максимович 2007а, 40–41 [гл. 22]].

²² Результатом этого обращения стало специальное патриаршее послание еп. Нифонту и дарование новгородскому владыке архиепископского титула [Киево-Печерский Патерик, 2004, 352–353; Голубинский, 1901, 310; Назаренко, 2015а, 69].

²³ Из текста видно, что Федор был выслушан и рукоположен, однако патриарх продемонстрировал в отношении Феодора явное раздражение и недовольство [Лука Хрисоверг, 1880, 63–76].

²⁴ Во всяком случае, В. И. Сергеевич высказывался за то, что наказание в форме членовредительства мог привести в исполнение только князь [Сергеевич, 2004, 421].

2000, 91; Мильков, 2009, 124–126; Дергачева и др., 2016, 65–69; Мильков, 2019, 6–27]. Здесь необходимо заметить, что число претензий Киевской кафедры к Новгородской велико и существенно превосходит перечень конфликтов, возникших между стольничной кафедрой и иными епископскими центрами²⁵. Вероятно, данное обстоятельство объясняется особым положением Новгорода и тем местом, какое отводили новгородцы своим святителям. Представляется, что столь значительному числу известных способствовала и более развитая книжная и «правовая» культура этого политического центра. Дело еп. Луки лишено полной ясности. Новгородское летописание лишь извещает о том, что архиерея обвинили его собственные «холопы» — скорее всего, свободные слуги — в «неподобных речах». Еп. Луку вызвали в Киев, где его удерживали на протяжении трех лет, вероятно, в монастыре, что предполагалось нормами 123-й Новеллы имп. Юстиниана²⁶. Однако суть предъявленных святителю обвинений неизвестна. Столь же сомнительно приписывание доноса обычным слугам²⁷ — это дает основание предположить, что дело стало результатом какого-то большого конфликта или какой-то интриги, в которой архиерея обвинили не обычные слуги, а лица, обладавшие достаточно высоким социальным статусом [Гайдено, 2014, 104–105; Назаренко, 2015б, 323–333; Назаренко, 2015в, 293–301; Виноградов, 2020]. Столь же туманны обстоятельства суда над еп. Лукой в Киеве. И. С. Чичуров и поддержавший его мнение О. Г. Ульянов вполне убедительно высказались за то, что осуждение еп. Луки, скорее всего, произошло на Соборе, созванном новоприбывшим в Киев митрополитом Ефремом [Сичуров, 1998, 319–356; Чичуров, 1998, 43–53; Ульянов, 2011, 189]. Между тем в русских источниках о данном Соборе ничего не известно, что само по себе порождает недоумение и едва ли может быть отнесено к «случайности». Однако особо при этом оговаривается, что после того как архиерей был оправдан и возвратился в Новгород, им (или от его имени) был совершен жестокий суд над его обидчиками, подобный тому, что постиг через столетие Феодорца в Киеве. «Клеветники» были обезображены, изуродованы и вынуждены бежать «в немцы»²⁸. В полной мере можно согласиться с В. В. Мильковым, высказавшимся за то, что произошедшее отразило

²⁵ Список конфликтов, связанных с Новгородом и необходимостью участия в этих делах митрополита, значителен. Прежде всего, это митрополичьи суды или попытки их организации в отношении епископов Луки Жидята, Нифонта Новгородского и Долмата. Помимо них — неудачная поездка епископа Михаила в Новгород, завершившаяся фактическим арестом русского первосвятителя. Правда, в этом случае виновником произошедшего были новгородцы, а не архиерей. Помимо этого — митрополичье разбирательство по вопросу о праве на новгородскую кафедру двух епископов, Митрофана и Антония (1219/1220), что стало возможно по вине как новгородцев, так и самого киевского первоиерарха.

²⁶ В случае, если против клирика были выдвинуты серьезные обвинения, то таковой мог быть на три года отстранен от служения и помещен в монастырь: «Мы возбраняем преосвященным епископам, а также пресвитерам, диаконам и иподиаконам, чтецам и каждому, состоящему в любом духовном (εὐαγούς) чине (τάγματος) или звании (σχήματος), играть в кости, или общаться с играющими в подобные [игры], или становиться зрителями и ходить на любое зрелище, чтобы посмотреть на него. Если же кто-либо из них совершит подобный проступок, повелеваем воззвратить таковому на три года любое духовное (εὐαγούς) служение и заключить его в монастырь. Если же за это время он проявит соответствующее его проступку раскаяние, то иерею, под началом которого он состоит, дозволяется уменьшить срок и вернуть его к исполнению прежнего служения. А преосвященные епископы, обязанные наказывать таковые [согрешения], пусть знают, что если, узнав о чем-либо таковом, не накажут, то сами дадут по этому делу ответ перед Богом» [Максимович, 2007а, 33].

²⁷ Церковные правила ограничивают права тех, кто намерен выдвинуть обвинения против епископов или выступать свидетелями в подобных процессах. Это должен быть человек «достойный», при этом число свидетелей — не менее двух [Правила Православной Церкви 1, 1912, 155–158 [Ап. 74, 75]; Правила Православной Церкви 2, 1912, 273 [Карф. 131(146)], 274–275 [Карф. 132(147)]]].

²⁸ Ранее высказывалось ошибочное мнение о том, что бегство могло касаться епископа Луки [Гайдено, 2009, 53–63]. Неверная интерпретация событий возникла из-за неверного прочтения летописного известия.

серьезные внутригородские конфликты в Новгороде, жертвой которых и стал архипастырь в условиях ослабления власти Изяслава [Дергачева и др., 2016, 65–70]. В любом случае, обстоятельства конфликта позволяют заключить, что дело, скорее всего, имело «политический» характер, и отражало как борьбу различных канонических традиций и тенденций [Мильков, 2009, 116–155; Ульянов, 2011, 164–194], так и противоречия внутри княжеского рода и в Новгороде²⁹.

Еще один случай митрополичьих судов — суды по делу об обвинении против Ростовского епископа Леона, дважды изгонявшегося с кафедры и, в итоге, заслужившего дурную посмертную славу. В первый раз его удалили за незаконное смещение епископа Нестора и за совершавшиеся им поборы с духовенства [Лаврентьевская летопись, 2001, 343; Ипатьевская летопись, 2001, 493], а во втором — за его жесткую позицию по вопросу о постах [Ипатьевская летопись, 2001, 520], отражавшему различные канонические и монашеские традиции в византийской Церкви [Конявская, 2012, 69–73; Виноградов, Желтов, 2019, 1–18; Виноградов, Желтов, 2018, 118–139]. Оба суда завершились оправданием еп. Леона в Киеве, причем во втором случае суд в Киеве совершался при участии великого князя, а в Византии (точнее, в походной ставке) — перед императором, а также патриархом, о чем сообщило не только летописание, но и патриаршая грамота к Андрею Юрьевичу [Лаврентьевская летопись, 2001, 352; Никоновская летопись, 2000, 221–222; Лука Хрисоверг, 1880, 63–76]. Примечательно, что одно из изгнаний было совершено после своеобразного Собора-суда с участием Андрея Юрьевича Боголюбского [Лаврентьевская летопись, 2001, 352; Никоновская летопись, 2000, 221–222].

Не менее интересен уже упоминавшийся выше митрополичий суд над епископом Феодорцом [Лаврентьевская летопись, 2001, 355–356; Ипатьевская летопись, 2001, 551–554; Воронин, 2007, 112–118]. Судя по всему, это разбирательство было совершенно примерно в то же время, когда был судим и игумен Поликарп (ок. 1169). В этом суде, о вердикте которого сообщает летописание, много неясного и даже «темного», на что обоснованно обратил внимание Н. Н. Воронин. Трудно установить дату суда, имена его участников и даже обстоятельства ареста архиерея. При том, что летопись представила произошедшее как результат деятельности князя Андрея и «чудо», последующее разорение Киева союзными войсками русских князей, связываемое с «митрополичьей неправдой» [Ипатьевская летопись, 2001, 544–545], позволяет усомниться в честности и объективности летописца. Вызывают вопросы выдвинутые против еп. Феодора обвинения, а также учиненная над ним расправа, поражающая своей жестокостью.

Не менее примечателен суд, совершенный митрополитом по просьбе новгородцев в 1219/20 гг. [Новгородская Четвертая летопись, 2000, 199]. Причиной произошедшего стала ситуация, отражавшая всю неоднозначность канонической ситуации на Руси: на новгородской кафедре оказались два архиерея: Митрофан и Антоний. Столь странная и одновременно недопустимая с канонической точки зрения ситуация³⁰ возникла, во-первых, по вине самих новгородцев, во-вторых, по вине самих обладателей митрополичьей кафедры. Кризис был преодолен, но его обстоятельства обнаружили крайне неприглядную как с канонической, так и с моральной позиций ситуацию в области церковного управления накануне нашествия.

Ордынское господство, обернувшееся для киевской митрополичьей кафедры не только потрясениями, но и неожиданными приобретениями, в значительной мере укрепило положение русских первоиерархов, придав их действиям большую самостоятельность. Попытка суда над новгородским архиепископом

²⁹ Данная точка зрения, пересекающаяся с мнением В. В. Милькова, высказывалась А. В. Назаренко и получила поддержку у М. В. Печникова [Назаренко, 2008, 53–64; Печников, 2015, 233].

³⁰ Канонические правила категорически запрещают присутствие на одной кафедре двух епископов: Ап. 14, 33; I Всел. 15; IV Всел. 5; Трул. 20; Антиох. 13, 16, 18, 21; Сердик. 1, 2, 17; Карф. 48 [Правила Православной Церкви 1, 1912, 74–76, 97–98, 225–227, 342–343, 493–494; Правила Православной Церкви 2, 1912, 73, 75, 76, 78, 117–119, 138–139, 198–200].

Далматом — одно из ярких свидетельств отмеченных изменений. В 1273 г. во Владимире был созван Собор, призванный осудить новгородского владыку [Печников, 2009, 97–107; Галимов, 2019, 154–158]. Особительства дела позволяют заключить, что конфликт двух ярких архиереев своего времени был вызван личными претензиями. На основании неких «слухов» архиеп. Далмат был обвинен в симонии [Определения Владимирского собора, 1880, 86–93]. Однако результаты Собора оказались скромнее ожидаемых. Во-первых, на суд не явились южнорусские епископы, а во-вторых, архиеп. Далмата не осудили, чему препятствовала и форма обвинений, противоречившая канонам³¹. Отсутствие на суде половины епископов окончательно лишало митрополита возможности совершить расправу над влиятельным святителем. Примечательно, что в отношении пропустивших Собор епископов никаких мер не было принято (по крайней мере, о таковых ничего не известно). Впрочем, вскоре, удрученный произошедшим, архиеп. Далмат скончался [Новгородская летопись старшего извода, 2000, 243]. Что же касается постановлений Собора, то они хоть и осудили симонию, однако обязали духовенство и горожан производить официальные оплаты в пользу кафедр, установив размеры таковых взносов и придав им более «благозвучные формы» [Гайденко, 2018, 85–100]. Размер этих сборов способен поразить впечатление любого историка [Определения Владимирского собора, 1880, 92; Галимов, 2019, 160–164].

Наконец, под 1282 г. Лаврентьевская летопись сообщает о суде митрополита Кирилла над ростовским епископом Игнатием, самостоятельно обратившимся в Орду [Лаврентьевская летопись, 2001, 525–526]. Судя по всему, первосвяtitель принял решение без соборного решения и тем явно превысил свои полномочия, поскольку суд над епископом мог быть совершен только при созыве архиереев округа [Правила Православной Церкви 1, 1912, 155–157 [Ап. 74]; Правила Православной Церкви 2, 1912, 142–143 [Конст.], 153–155 [Карф. 12]]. К тому же обращение еп. Игнатия в Сарай никак не могло подпасть под действие 9-й главы 123-й Новеллы имп. Юстиниана, запрещавшей кому-либо из клириков надолго оставлять место служения и отъезжать в царствующий град без разрешения царя, патриарха или же митрополита³². Несомненно, положение ханов было сопоставимо с императорским, однако Новелла говорит именно о Константинополе, а не о столицах иных держав. К тому же запрет, предписанный Новеллой, не был строгим и даже оговаривал порядок пребывания и нормы поведения клириков и иерархов в главном городе империи в случае, если им все же пришлось прибыть в столицу без соответствующего разрешения или приглашения. Таким образом, наложенный на ростовского епископа запрет отражал не канонические нормы, а личное решение русского первосвяtitеля. Причины наложенного наказания, скорее всего, следует искать не в церковных нормах, а в стремлении митрополита Кирилла оставаться единственным лицом в Церкви, обладающим правом на ханский ярлык. То есть произошедшее стало следствием борьбы митрополита Кирилла за утверждение своей власти над древнерусской церковной организацией³³.

³¹ Как уже отмечалось выше, канонические нормы не допускают предъявлять к кому-либо обвинения на основании слухов. Правила требуют для стороны обвинения не только обвинителя, но обязательного наличия не менее чем двух свидетелей с доброй репутацией [Правила Православной Церкви 1, 2012, 155–158 [Ап. 74, 75]; Правила Православной Церкви 2, 2012, 273 [Карф. 131(146)], 274–275 [Карф. 132(147)]]. Однако постановление Собора недвусмысленно указывает на то, что обвинения основаны на «слухе».

³² «Мы также запрещаем боголюбивейшим епископам оставлять свои церкви и отправляться в другие епархии. Если же возникнет надобность так поступить, пусть делают это не иначе как с грамотой от их блаженнейшего патриарха или митрополита, или же по приказу императора, так чтобы и те епископы, которые находятся под [юрисдикцией] блаженнейшего архиепископа и патриарха Константинопольского, не имели права без его разрешения или нашего приказания являться в царствующий град ...» [Максимович, 2007а, 32 [Гл. 10]].

³³ Наиболее последовательно представленная оценка конфликта митрополита Кирилла с ростовским епископом представлена в исследовании Т. Р. Галимова [Галимов, 2019, 149, 156–157].

Летописание сохранило сообщения о том, как епископат мог оказываться и под княжеским судом. Первым примером подобного может служить история заточения и смерти колобужского епископа Рейнберна. Личность этого латинского епископа примечательна. Прибыв в Туров в качестве духовника жены князя Святополка, старшего сына Владимира Святославича, он, скорее всего, стал не только духовным попечителем дочери правителя Польши, но и, вероятно, первым правящим архиереем местной кафедры³⁴. В целом такая ситуация не видится чем-то необычным для Руси эпохи Владимира и его ближайших потомков, когда на этой территории наблюдается полифония канонических юрисдикций [Костромин, 2015, 48–75]. Как сообщает Титмар Мерзебургский, Рейнберн был обвинен в участии в заговоре Святополка против своего отца, Владимира, и в дальнейшем скончался в заточении, несмотря на личное заступничество короля [Титмар Мерзебургский, 2010, 73–75]. Столь жесткое отношение крестителя Руси к архиерею, судя по всему, объясняется политической составляющей совершенного епископом проступка, попыткой «государственного переворота».

Второй подобный случай прямого княжеского суда над епископом — арест и отстранение от кафедры другого туровского епископа, Иоакима, судьба которого после его привода в Киев в кандалах [Лаврентьевская летопись, 2001, 314] теряется. Весьма примечательно, что каноны (в данном отношении особенно строга их редакция в Номоканоне XIV титулов) категорически запрещают наложение на архиерея каких-либо оков под страхом отлучения виновного от Церкви [Правила Православной Церкви 2, 1912, 319]. Однако, как видно, князя не особенно пугало какое-либо наказание. При том что в дальнейшем имя туровского архиерея из летописи исчезает, 25-е граффити Софии Киевской, сообщающее о покупке «княгиней Всеволодовой», Марией, земли Бояна, сохранило имя одного из священнослужителей — свидетелей сделки, «Якима» [Высоцкий, 1966, 61]. Данное обстоятельство позволило С. А. Высоцкому высказать примечательную гипотезу о том, что под этим «Якимом» следует, скорее всего, понимать туровского епископа Иоакима [Высоцкий, 1966, 70]. Однако очевидным видится тот факт, что Иоаким, скорее всего, был отстранен от управления Туровской епископией. Иной вопрос, был ли этот шаг утвержден митрополитом. 10-я глава уже упоминавшейся 123-й Новеллы имп. Юстиниана завершается категорическим предписанием: «*Нельзя принуждать епископа против его воли изгонять из клира любого клирика, служащего под его началом*» [Максимович, 2007а, 33 [гл. 10]]. Летописание и иные источники ничего не сообщают о лишении Иоакима сана. Напротив, вышеназванное 25-е граффити Софийского собора в Киеве отмечает Иоакима (если это изгнанный Туровский архиерей) среди свидетелей сделки о покупке земли Бояна для Кирилловской церкви. Поэтому, если догадка С. А. Высоцкого верна, можно заключить, что остаток своих дней Иоаким провел при киевском митрополичьем дворе и Софии Киевской.

Еще одна княжеская расправа над епископом — изгнание из Чернигова епископа Антония (1168/69), действия которого спровоцировали внутрикняжеский конфликт в Черниговской земле и даже рассматривались современниками в качестве одной из причин бедствия, постигшего Киев в 1169 г. во время похода союзных войск во главе с Мстиславом Андреевичем. Именно эта несправедная жизнь архипастыря, запятнавшего себя клятвопреступлением и участием в несправедном суде над Печерским игуменом Поликарпом, стала основанием для изгнания Антония из города [Лаврентьевская летопись, 2001, 354; Ипатьевская летопись, 2001, 522–524]. Не менее показательны и драматичны расправы, учиненные по воле Даниила Романовича над галицким и перемышльским архиереями в 1241 г. Гнев князя был столь велик, что имущество перемышльского епископа было даже отдано людям боярина Андрея на полное разграбление [Ипатьевская летопись, 2001, 793–794]. Судя по описанию того, как происходило изъятие брошенных епископом богатств и припасов,

³⁴ Данная точка зрения наиболее последовательно представлена в работах А. С. Кибиня и прот. К. А. Костромина [Кибинь, 2014, 85; Костромин, 2016, 104, 112–113; Костромин, 2018, 250–259].

совершавшееся напоминало не захват боевой добычи, а судебную расправу в виде «потока и разграбления».

Если принять во внимание, что составителями и авторами большинства летописных и агиографических источников XI–XIV вв. являлось монашество, весьма примечательным видится то, что в целом митрополичьи суды в церковной среде оцениваются негативно — как «неправда». В это же самое время участие князей в судебных спорах по церковным вопросам, напротив, рассматривается в качестве положительного фактора, обеспечивавшего большую или меньшую объективность церковного суда, что, например, обнаруживается в поведении смоленского князя в суде над Авраамием Смоленским или в решительности действий черниговского князя Святослава Всеволодовича в деле защиты Печерского игумена Поликарпа [Лаврентьевская летопись, 2001, 354–355]. Отмеченное обстоятельство видится примечательным.

Помимо княжеского суда, епископы могли подвергаться наказанию со стороны городского веча своих кафедральных центров. При том, что сами вечевые судебные расправы привлекали внимание исследователей³⁵, суды веча над представителями Церкви — одна из малоизученных тем. Смещения новгородских архиереев во второй половине XII — первой трети XIII вв. нередко связаны с вечевыми приговорами.

Еще одна группа судов над архиереями — вечевые суды, совершавшиеся с участием князей, или княжеские суды с привлечением представителей города. К числу подобных с уверенностью можно отнести суд Андрея Боголюбского над епископом Леоном (1164) [Лаврентьевская летопись, 2001, 352; Ипатьевская летопись, 2001, 520] и «тяжу», состоявшуюся в Ростове в отношении ушедшего на покой в местный Димитров монастырь епископа Кирилла (1228) [Лаврентьевская летопись, 2001, 452; Дворниченко и др., 2012, 108–110]. Суть обвинений заключалась в том, что архиерей передал часть имущества епископской кафедры обители, в каковую в последующем и удалился на покой. Летописание сохранило часть перечня востребованных богатств, список которых, вероятно, был известен составителю записи из судебных «протоколов». При всей кажущейся справедливости суда приходится отметить два немаловажных обстоятельства, позволяющих сделать вывод о неоднозначности произошедшего. Во-первых, претензии к епископу возникли лишь тогда, когда тот выступил против местного князя. Во-вторых, претензии противоречили канонам, сохранявшим за епископами право распоряжения передававшимся в их распоряжение имуществом³⁶.

Вполне очевидно, что в условиях XI — середины XIII вв. княжеская и городская власти считали себя вправе совершать суд над епископатом. Вероятно, причины такой убежденности следует искать в патронате князей и городских общин над епископскими кафедрами и в ктиторских правах князей, боярства и городских общин над храмами и монастырями. Каноничность таких действий князей и горожан видится неоднозначной и дискуссионной. Византийские нормы права существенно ограничивали судебные права императора и гражданских судов над клириками, о чем говорят положения Эпанагоги (884–886), служившей руководством для судей империи. Данный свод предполагает, что духовенство подсудно патриарху и подпадает под действие гражданских судей лишь в случае обвинения клириков в государственной измене [Каждан, 1958, 56–57; Омельчук, 2013, 34–38]. В данном контексте действия Владимира Святославича в отношении епископа Рейнберна видятся вполне законными. Нельзя исключать, что именно из-за декларировавшихся в своде норм, существенно урезавших права базилиевса, Эпанагога долгое время не имела широкого распространения на Руси и была переведена только в XVII в.³⁷ Впрочем, говоря

³⁵ Примером этого может служить исследование С. Б. Чебаненко [Чебаненко, 2013, 64–104].

³⁶ 25-е правило Антиохийского Собора определяет: «Епископу имети власть над церковным имуществом, да распоряжает оным со всякою осмотрительностию и страхом Божиим» [Правила Православной Церкви 2, 2012, 80].

³⁷ Данная точка зрения была высказана и обоснована В. Е. Вальденбергом [Вальденберг, 2006, 49–53].

о соответствии действий Владимира в отношении Колобжегского епископа, следует сделать ряд оговорок. Все же Эпанагога говорит о судебных правах византийского императора и патриарха, а не великого князя и митрополита. Поэтому она не могла наделять князей правом суда над архиереями и духовенством. Однако если все же допустить, что князья действовали «по аналогии», то и в этом случае их действия нельзя признать каноничными, поскольку митрополичий суд является более низкой инстанцией, чем патриарший. Поэтому упомянутые под 1241 г. действия Даниила Романовича, преследовавшего своих епископов за совершенную ими измену, едва ли можно признать законными с канонической точки зрения. Что же касается Владимира Святославича, то в силу обладания им царским титулом³⁸ его решения в отношении Рейнберна все же видятся легитимными.

Заключение

Представленные выше наблюдения позволяют заключить, что епископат на Руси не обладал правовым иммунитетом от вмешательства княжеской и какой-либо иной (городских или вечаевой) судебной власти. Церковные каноны и государственное право Византии вполне ясно и достаточно подробно регламентировали порядок суда над представителями церковной иерархии, и на Руси были хорошо осведомлены об особенностях церковного судопроизводства. В результате предварительный анализ отраженных в летописании судов над епископатом позволяет заключить, что в случае, если обвинения предъявлялись к архипастырю, то суд над святителем совершался в соответствии с нормами византийского законодательства. Согласно церковным нормам, первой инстанцией, где могло проходить слушание дела в отношении архиереев, был суд у митрополита. При необходимости слушание могло переноситься в Константинополь, где оно рассматривалось патриархом или императором. Известия о суде над новгородским епископом Лукой Жидятой позволяют заключить, что в целом византийские нормы соблюдались с предельно возможной в условиях Руси аккуратностью. Единственное затруднение, с которым мог сталкиваться митрополит при организации суда над архиереем, — обеспечение необходимого кворума на созывавшийся по такому случаю Собор. Однако с середины XII в., по мере осложнения межкняжеских отношений и роста политической автономии ряда территорий и городов, соблюдение церковных норм при совершении судов над епископами не отличалось щепетильностью. При предъявлении претензий к епископату княжеская власть и городские верхи если и придерживались церковных норм, то делали это выборочно, руководствуясь политической конъюнктурой и собственными представлениями о должном. Именно такое развитие ситуации просматривается в судебных процессах в отношении ростовских и новгородских архиереев. В описанных условиях важное значение приобрела практика апелляций к императорскому и патриаршему суду.

³⁸ При том, что в историографии присутствует и даже доминирует благодаря авторитету Г. А. Острогорского, Г. Подскальски, прот. Иоанна Мейендорфа и А. А. Горского мнение, подвергающее сомнению наличие у первых русских князей царского титула [Горский, 1996, 205–212; Ульянов, 2008, 138], часть исследователей, например А. В. Майоров, либо склонна признать этот титул за крестителем Руси [Майоров, 2011, 549–586], либо, как М. Б. Свердлов и О. Г. Ульянов, однозначно отстаивают обладание Владимиром этим высоким положением, которое, скорее всего, им было получено в Корсуни (Херсонесе) во время свадебных торжеств по случаю заключения брака с царевной Анной [Свердлов, 2013, 18; Ульянов, 2008, 133–140]. Введенные О. Г. Ульяновым в научный оборот новые источники позволяют все более склонять чашу весов в пользу сторонников признания за Владимиром царского титула.

Источники и литература

1. Берёзкин, Крицкая (2019) — *Берёзкин А. В., Крицкая С. Ю.* Persona: из римского права в богословие в каноническое право // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 106–118.
2. Болотов (1913) — *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви: в 4 т. Т. 3: История Церкви в период вселенских соборов / Под ред. проф. А. Бриллиантова. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 320 с.
3. Вальденберг (2006) — *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. 366 с.
4. Величко (2006) — *Величко А. М.* Церковь и император в византийской и русской истории: Историко-правовые очерки. СПб.: Изд-во Юридического института, 2006. 237 с.
5. Виноградов (2020) — *Виноградов А. Ю.* Новые данные в деле Луки Жидяты [рукопись в печати, 2020].
6. Виноградов (2018) — *Виноградов А. Ю., Желтов М. С., свящ.* «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х гг. об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118–139.
7. Виноградов (2019) — *Виноградов А. Ю., Желтов М. С., свящ.* Церковная политика Константинопольской патриархии при Мануиле I Комнине и кризис Русской митрополии в 1156–1169 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 9 (83). С. 1–18.
8. Высоцкий (1966) — *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. / Отв. ред. П. Н. Попов. Вып. 1. Киев: Наукова думка, 1966. 239 с.
9. Гайденко (2008) — *Гайденко П. И.* К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (26). С. 7–16.
10. Гайденко (2014) — *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.
11. Гайденко (2018) — *Гайденко П. И.* Несколько замечаний о каноническо-правовых институтах на Руси в XI–XIII вв. // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 79–91.
12. Гайденко, Филиппов (2011) — *Гайденко П. И., Филиппов В. Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII века): несколько наблюдений // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2011. № 12. С. 106–116.
13. Галимов (2019) — *Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 256 с.
14. Голубинский (1901) — *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. М., 1901. Ч. 1. 968 с.
15. Горский (1996) — *Горский А. А.* О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей: Человек в истории. 1996. С. 205–212.
16. Грамота Ростислава (1976) — Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 141–145.
17. Грекулов (1964) — *Грекулов Е. Ф.* Православная инквизиция в России / Отв. ред. А. И. Клибанов. М.: Наука, 1964. 168 с.
18. Геннадий Новгородский (1880) — 1490 г. в октябре. Грамоты новгородского архиепископа Геннадия: I) к митрополиту Зосиме и II) к собору епископов — о немедленном принятии строжайших мер против новгородских еретиков (жидовствующих) // Русская историческая библиотека. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 763–784.
19. Дворниченко и др. (2012) — *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: СПбГУ, 2012. 412 с.
20. Демин (2010) — *Демин А. С.* Символика и изобразительность в древнерусских произведениях XI–XIII вв. («Повесть временных лет», «Слово о Законе и Благодати», «Слово

о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника») // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14 / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН; Общество исследователей Древней Руси; отв. ред. Ф. С. Капица. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 438–456.

21. Дергачева и др. (2016) — *Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В.* Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. 416 с.

22. Евсевий Памфил (1998) — *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина / (Византийская серия); пер. СПбДА, под ред. А. А. Калинина. М.: Labarum, 1998. 352 с.

23. Житие Авраамия (2005) — Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30–65.

24. Зеленин (1995) — *Зеленин Д. К.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. С. 432.

25. Ипатьевская летопись (2001) — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.

26. Каждан (1958) — *Каждан А. П.* Василики как исторический источник // Византийский временник. М.: Наука, 1958. Т. 14. С. 56–66.

27. Кибинь (2014) — *Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2014. 272 с.

28. Киево-Печерский Патерик (2004) — Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489.

29. Конявская (2003) — *Конявская Е. Л.* К вопросу об особенностях «Жития Авраамия Смоленского» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 111–113.

30. Конявская (2017) — *Конявская Е. Л.* Смоленск в конце XII — первой трети XIII в. по летописным и агиографическим источникам // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 34–39.

31. Конявская (2012) — *Конявская Е. Л.* Споры о постах второй половины XII в. // Вестник литературного института им. А. М. Горького. 2012. № 1. С. 69–73.

32. Костромин (2015) — *Костромин К. А., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2015. № 3. С. 48–75.

33. Костромин (2016) — *Костромин К. А., прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб.: Изд-во СПбДА, 2016. 168 с.

34. Костромин (2018) — *Костромин К. А., прот.* Ещё раз о возникновении туровской епископии (о статье Т. Ю. Фоминой «Туровская епископия: этапы становления и развития (XI–XIII вв.)» // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 243–253) // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 250–259.

35. Крайній (2000) — *Крайній К. К.* Историки Киево-Печерської лаври XIX — початку XX століття. Київ: Університетське вид-во «Пульсари», 2000. 240 с.

36. Лаврентьевская летопись (2001) — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.

37. Левчук (2010) — *Левчук М. В.* Церковний суд у Київській Русі (історико-правове дослідження). Дисс. ... канд. юр. наук / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. Київ, 2010. 23 с.

38. Летопись Дубровского (2004) — Полное собрание русских летописей. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 371 с.

39. Лука Хрисоверг (1880) — Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. СПб., 1880. Стб. 63–76.

40. Майоров (2011) — *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 800 с.

41. Макаров (2007) — *Макаров Д. А.* Система права Византийской империи: историко-правовой аспект: Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2007. 22 с.

42. Максимович (2007а) — *Максимович К. А.* Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 22–54.
43. Максимович (2007б) — *Максимович К. А.* Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 1(17). С. 27–44.
44. Мильков (2009) — *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI. 2009. № 2. С. 116–155.
45. Мильков (2019) — *Мильков В. В.* Политический элемент в нравственно-религиозной проповеди епископа новгородского Луки Жидяты // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 6–27.
46. Митрофанов (2010) — *Митрофанов А. Ю.* Церковное право и его кодификация в период Раннего Средневековья (IV–XI в.). М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2010. 426 с.
47. Момотов (2003) — *Момотов В. В.* Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: *Зерцало-М*, 2003. 416 с.
48. Назаренко (2008) — *Назаренко А. В.* Ефрем († вероятно, в 1061 — нач. 1062), митр. Киевский // Православная Энциклопедия / Под ред. патр. Алексия II. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2008. Т. 19. С. 53–54.
49. Назаренко (2015а) — *Назаренко А. В.* Архиепископы в Русской Церкви домонгольского времени // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4. С. 67–76.
50. Назаренко (2015б) — *Назаренко А. В.* Дудика, Негварь: два германских антропонима в новгородских памятниках // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. 4.1. С. 323–333.
51. Назаренко (2015в) — *Назаренко А. В.* Новгородский холоп Дудика и соболя падерборнского епископа Майнверка // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 293–301.
52. Никоновская летопись (2000) — Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки славянской культуры, 2000. 288 с.
53. Новгородская летопись старшего извода (2000) — Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. XII, 720 с.
54. Новгородская четвертая летопись (2000) — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки славянской культуры, 2000. 728 с.
55. Омельчук (2013) — *Омельчук В. В.* Інститут епископа у системі церковно-канонічного права Візантії: судові та правозахисні функції // Юридичний вісник. 2013. 1(26). С. 34–38.
56. Определения Владимирского Собора (1880) — Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 83–102.
57. Пастуро (2012) — *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
58. Петрушко (2007) — *Петрушко В. И.* История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 356 с.
59. Петрушко (2019) — *Петрушко В. И.* История Русской Церкви с древнейших времен до середины XV в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 512 с.
60. Печников (2003) — *Печников М. В.* Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 / Отв. ред. Л. В. Столярова; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М.: Восточная литература, 2003. С. 346–359.
61. Печников (2009) — *Печников М. В.* К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 97–107.
62. Печников (2015) — *Печников М. В.* «А се новгородскыи епископы»: Спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X — 70-е гг. XI в.) // Вестник церковной истории. М., 2015. № 3/4 (39/40). С. 207–274.

63. Пиккио (2002) — *Пиккио Р.* Древнерусская литература / Пер. с итал. М. Ю. Кругловой и др.; предисл. А. С. Демина. М.: Языки славянской культуры, 2002. 352 с.
64. Правила Православной Церкви 1 (1912) — Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 641 с.
65. Правила Православной Церкви 2 (1912) — Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. 639 с.
66. Свердлов (2013) — *Свердлов М. Б.* Имперские амбиции раннесредневековых государств (Польша и Русь в X–XI вв.) // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2(11). С. 16–20.
67. Сергеевич (2004) — *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 488 с.
68. Софийская первая летопись (2000) — Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1-й: Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки славянской культуры, 2000. I–VIII, 312 с.
69. Суворов (2004) — *Суворов Н. С.* Учебник церковного права / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 504 с.
70. Титмар Мерзебургский (2010) — *Титмар Мерзебургский.* Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 63–89.
71. Тихомиров (1975) — *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 432 с.
72. Ульянов (2008) — *Ульянов О. Г.* О времени возникновения инаугурационного миропоманания в Византии, на Западе и в Древней Руси // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008 г. / Оргком.: А. О. Чуварьян, Г. Г. Литаврин, М. В. Бибииков и др. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 133–140.
73. Ульянов (2011) — *Ульянов О. Г.* Происхождение Остромирова Евангелия: К реконструкции древнейшего устава на Руси // Кириллица: от возникновения до наших дней. СПб.: Алетейя, 2011. С. 164–194.
74. Устав Всеволода о судах (1976) — Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 153–158.
75. Устав о десятыне (1976) — Устав князя Владимира о десятынях, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 16–19.
76. Устав Ярослава (1976) — Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85–91.
77. Цыпин (2012) — *Цыпин В., прот.* Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 864 с.
78. Чебаненко (2013) — *Чебаненко С. Б.* Основные черты вечевого правосудия в Древней Руси // *Rossica Antiqua*. 2013. № 2. С. 64–104.
79. Чичуров (1998) — *Чичуров И. С.* Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (сер. XI — начале XII в.) // *Russia mediaevalis*. 1998. Т. IX, 1. S. 43–53.
80. Щавелёв (2012) — *Щавелёв А. С.* Суд над монахом Никитой и интеллектуальные традиции Печерского монастыря XI в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. / Редкол.: Ю. Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, ФГБУН ИВИ РАН, Археогр. комиссия. М.: РГГУ, 2012. С. 544–546.
81. Шапов (1989) — *Шапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.
82. Cicurov (1998) — *Cicurov I.* Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropolitens Ephraim // *Fontes minores*. Bd. 10. Frankfurt am Main, 1998. S. 319–356.